

ВТОРАЯ КОММУНИКАЦИЯ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Юрий А. Левицкий*

Пермский государственный университет, Пермь, Россия

Key words: first communication, second communication, derivation of words, invention of words.

Summary: Two types of communication are to be distinguished, two varieties of language functioning. The first one is the ordinary communication between the partners. In this case the process is directed from the speaker to the hearer, i.e. outside the speaker. The second one is presented by the “communication” of the speaker with himself – during reasoning. It is directed from the speaker to himself – inside the speaker.

In the process of the first communication the partners talk about more or less familiar objects and events, using well known words, both simple and derivative. In the process of the second communication a man can discuss some new, unknown objects that have not yet any analogies with well known objects and so have no analogies with well known words. In such cases a man has “to invent” new words – to create new root-words which later can be followed by derivatives.

Язык представляет собой систему знаков и правил их употребления. Это достаточно тривиально. Точно так же тривиально то, что язык усваивается человеком в процессе коммуникации с окружающими. Происходит это в раннем возрасте **произвольно и непреднамеренно**.

Что значит «усвоение»? Это значит, что человек делает язык «своим», «присваивает» себе его, извлекая из процесса коммуникации с себе подобными. Эта коммуникация – взаимообмен знаниями. То, чего я еще не знаю, я легко могу узнать от других. Все это происходит в естественной коммуникации, **первой коммуникации**.

А что происходит, когда человек сталкивается с чем-то, чего он раньше еще не встречал и для чего у него не существует никакого наименования, а главное – **никто не может ему ничего подсказать** по

* © Левицкий Ю.А., 2010.

той простой причине, что этого **еще никто не знает**? Он сам до этого должен «дойти». Он должен **создать новый знак**, новый корень, еще никому не известный. И указанная ранее первая коммуникация ему не поможет, так как он может «общаться» только с самим собой. Иными словами, роль говорящего «раздваивается»: он попеременно выступает то как говорящий, то как слушающий. Он сам задает себе вопросы и сам же на них отвечает. Этот процесс можно было бы обозначить как **вторую коммуникацию**, или **второе функционирование языка**, которое пока еще не было предметом описания. Если в процессе первой коммуникации новые слова появляются за счет образования производных слов – под влиянием разнообразных ассоциативных связей – от уже существующих корней, то в процессе второй коммуникации под влиянием каких-то непонятных стимулов могут образовываться новые корни, от которых в дальнейшем вполне возможны новые производные.

Таким образом, представляется возможным говорить о двух типах коммуникации, двух видах функционирования языка. Первый тип коммуникации осуществляется при общении с партнером (партнерами). Он направлен от говорящего к слушающему, к адресату, т.е. **«вне говорящего»**. Второй вид функционирования языка имеет место при «общении» говорящего с самим собой. Он направлен от говорящего к говорящему, **«внутри говорящего»**, поскольку никакой адресат не сможет ему помочь. Это «разговор» с самим собой.

Как известно, традиционная лингвистика изучает устройство языковой системы. Аспекты первого функционирования языка – усвоение языка, порождение и восприятие речи – изучаются психолингвистикой. Процесс усвоения родного языка ребенком достаточно подробно описан в многочисленных психолингвистических исследованиях. Процесс порождения, точнее продуцирования речи, обусловлен, прежде всего, наличием **системы обозначений** в сознании говорящего.

Классическая психолингвистическая схема продуцирования речи в самых общих чертах включает следующие этапы: **мотивационный** (на котором возникает общий замысел, тема будущего высказывания), **смысловой** (структурирование этого общего замысла, выделение в нем темы и ремы), **семантический** (распределение семантических ролей – актантов – в составе будущего высказывания) и **языковой** (выбор синтаксической конструкции и заполнение ее соответствующими словоформами). При этом считается, что первые три этапа – неязыковые. «Вступление» языка происходит на последнем этапе, где осуществляется перевод с языка мысли на собственно язык.

Однако не следует забывать слова В. Фон Гумбольдта о том, что «*язык есть орган, образующий мысль*» (Гумбольдт, 1984). Следовательно, мы не можем исключить «образующую» роль языка на всех этапах продуцирования, включая даже мотивационный. А на этапе выделения темы и ремы будущего высказывания в процесс «включается» уже влияние контекста и ситуации.

На мотивационном этапе говорящий, вероятно, намеревается не просто что-то сказать, а сказать это самое «что-то» по какому-то определенному поводу, опять-таки под влиянием коммуникативной ситуации. Возможно, замысел будущего высказывания представляется в виде некоторой пропозиции. Одной пропозиции (в мысли) может соответствовать целый ряд предложений (в языке), каждое из которых «предлагает» свое распределение смысловых компонентов (эмпатию). Следовательно, определение темы и ремы будущего высказывания предполагает выбор наиболее подходящей структуры предложения.

Таким образом, уже на этапе смыслового структурирования вступает в силу фактор ситуации (контекста), и все дальнейшие этапы представляют собой результаты постоянного взаимодействия мышления, языка и действительности.

В связи с изложенным следует сделать небольшое замечание. Дело в том, что процесс овладения языком как у ребенка, так и у человека, находящегося на ранней стадии своего развития и постепенно создающего свой язык, проходит несколько этапов, каждый из которых характеризуется основной синтаксической единицей. На первом этапе человек (и ребенок) создает первую языковую единицу – однословное высказывание. Затем следует двухсловное предложение коммуникативной структуры, трехсловное предложение актантно-ролевой структуры и, наконец, развернутое предложение формально-синтаксической структуры. Все эти единицы сохраняются, как в памяти ребенка, так и в памяти развивающегося человечества, и свободно используются в речи современного человека, носителя языка номинативного строя*.

При этом возможно установить некоторую аналогию (речь идет именно об аналогии, а не об одно-однозначном соответствии) между указанными единицами и этапами продуцирования высказывания. Так, однословное высказывание соответствует этапу мотивации, двухсловное – этапу смыслового структурирования, трехсловное – этапу распределения ролей, а полное развернутое предложение –

* Подробно этот процесс описан в работе автора «*Альтернативные грамматики*». Москва, 2009.

завершающему этапу. Правда, условия коммуникации позволяют говорящему сократить это развернутое предложение вплоть до отдельного слова.

Рассмотренные этапы процесса продуцирования речи (текста), выделяемые в психолингвистике, в действительности оказываются релевантными лишь в идеальном варианте, представленном **устной монологической речью**, «о которой в 99% случаев говорят психолингвисты и в 90% случаев лингвисты» (Леонтьев, 1997: 362). Это лишь **один из двух** типов устной речи. В диалогической речи внутренний замысел замещается вопросом или репликой собеседника. Кроме того, существует и аффективная речь, замысел которой не всегда удастся адекватно установить.

Иначе говоря, в реальных условиях коммуникации, в процессе естественного спонтанного диалога продуцирование текста (высказывания) происходит, по существу, в «экстремальных условиях» – при дефиците времени и отсутствии возможности тщательно продумать стратегию. Это единственный вид неподготовленной речи. Даже диспут предполагает предварительное знакомство с темой и возможными (или действительными) аргументами, а здесь – полная неожиданность и непредсказуемость. При этом независимо от типа речи процесс продуцирования речевого сообщения, как уже отмечалось, менее всего похож на процесс выражения готовой мысли или механического поэлементного перевода синтаксической структуры с какого-то внутреннего кода на изоморфный ей поверхностный код. *«Процесс порождения речи тесно переплетается с процессом порождения мысли, образуя единый речемыслительный процесс, осуществляемый механизмами речевого мышления»* (Кацнельсон, 1972: 110).

Естественно, что при всех других типах речи, помимо устного диалога, когда над говорящим (пишущим) не висит дамоклов меч **дефицита времени**, он имеет возможность продумать не только содержание создаваемого текста, но и его форму, подобрать наиболее удачный вариант для воплощения своего замысла. Но и в этом случае говорящий скорее всего будет **выбирать** варианты, **а не преобразовывать** (трансформировать), как считают многие адепты Н. Хомского, поскольку в его языковом сознании существует достаточно полная система форм и средств. *«Замысел будущего в речи, т.е. тот смысл, который конструируется в аппарате мозга говорящего, вовсе не обязательно – даже в момент собственно вербализации – “изначально привязан” к определенной форме языкового выражения»* (Горелов и др., 1977: 76). Что же касается

формальной структуры создаваемого текста, то она *«определяется не только содержанием и лежащими в сознании порождающего процесса исходными структурами, но также ситуативными условиями речи и некоторыми другими, не поддающимися точному учету факторами, влияющими на стратегию говорящего»* (Кацнельсон, 1972: 121).

Таким образом, следует, вероятно, различать два принципиально разных способа порождения текста, которые можно было бы назвать «бессознательным» и «сознательным». Первый соответствует условиям устного спонтанного диалога или аффективной речи, когда говорящий независимо от того, его ли это собственный мотив или же «навязанный» собеседником, не имеет времени на обдумывание. Второй характерен для всех остальных видов речи, в условиях которых говорящий (пишущий) располагает определенным запасом времени, чтобы выбрать наиболее адекватную форму выражения, соответствующую как его замыслу, так и условиям коммуникации. Если и не все, то подавляющее большинство психолингвистических экспериментов «работают» с учетом возможности обдумывания, запоминания. При этом обязательно следует учитывать тот факт, что *«из эксперимента вовсе не следует, что человек поступает так в естественных условиях»* (Сахарный, 1989: 107). В реальной коммуникации мы сталкиваемся с особенностью оперативной памяти – ее малой емкостью, а для подключения долговременной памяти просто нет времени. Создать экспериментальные условия для порождения спонтанного диалога представляется весьма затруднительным.

Итак, *«понятие “синтеза предложений” относится именно к языку, к системе языка, а отнюдь не к речевой деятельности человека. Что же касается порождающей грамматики, то она никакого отношения к процессу порождения речи не имеет. Она описывает язык в виде формальных моделей определенного типа, т.е. прежде всего компетенцию говорящего»* (Кибрик, 1990: 98). *«Речь идет о языковой компетенции, которая существует независимо от языковой деятельности, т.е. отдельных употреблений языковых форм в конкретных случаях»* (Бейлин, 1977: 14). *«В действительности генеративная теория есть теория не языка, а теория предложения»* (Звегинцев, 1973: 50), т.е. никоим образом не комплекс правил и операций **производства текста**.

Конечно, попытка смоделировать процесс порождения (деривации) высказывания (и текста в целом) весьма привлекательна, но при этом не следует забывать, что *«нередко идея деятельности*

просто провозглашается, а не выступает средством конструктивного решения проблемы. В этом случае анализ и обобщение... подменяются простой констатацией очевидного, в общем-то тривиального факта человеческой активности... Простая фиксация этого обстоятельства еще не означает прогресса в теоретическом исследовании» (Швырев, 1984: 63-64). «“Деривационная история” предложения, эксплицирующая порождающий процесс, в сущности, не может быть отождествлена с процессом речеобразования и тем более с процессом слушания-понимания, как они реально протекают в актах речевого общения» (Кацнельсон, 1972: 105). «Хотя словотворчество «в генеративной лингвистике описывается в терминах динамической теории, но фактически оно остается на уровне эргона» (Рамишвили, 1984: 19). «Реального образования одной конструкции из другой в сознании не происходит, что отмечают и сами трансформационалисты» (Атаян, 1964: 41). Для описания процесса продуцирования высказывания (текста) трансформационная грамматика не пригодна. «Порождающий процесс – это процесс формирования целостных сообщений, а не обособленных предложений. Структура предложения в определенной степени зависит от целостной коммуникации и места данного предложения в ней» (Кацнельсон, 1972: 135).

«Порождение речи носит эвристический характер, т.е. при поставленной сознательной цели говорящий может произвольно (сознательно или бессознательно) **выбирать** оптимальный способ достижения этой цели» (Леонтьев, 1990: 70). «В случае, когда говорящий начинает порождать данное сообщение, он начинает пользоваться синтаксической реализацией семантической структуры сообщения, и при этом он может для одного семантического содержания данного сообщения **отбирать** разные синтаксические реализации» (Пала, 1996: 87). «Система грамматики трактуется как набор единиц, из которых одна должна быть **выбрана** при определенных условиях, при которых этот выбор может быть осуществлен» (Halliday, 1976: 3). При этом, «если система плохо построена или недостаточно развита, или не составляет в целом единого акта интеграции ее форм, поиск формы, соответствующей речевым заданиям на данный момент, займет больше времени и не достигнет такой степени соответствия и точности» (Гийом, 1992: 83). «Использование только одной глагольной формы предполагает быстрое восстановление в памяти всей системы спряжения глагола... Выбор одной формы из всех, что система представляет во всей

совокупности, позволяет тем самым окинуть ее всю одним взглядом» (Гийом, 1992: 85).

Как уже отмечалось, система предполагает набор не только грамматических (морфологических) форм, но и синтаксических конструкций: «Для того, чтобы язык мог порождать речь, в арсенале его средств должны наличествовать не только слова и морфологические элементы, но также синтаксические структуры как схемы-прообразы порождаемых предложений» (Кацнельсон, 1972: 130).

Итак, продуцирование высказывания осуществляется не по правилам порождающей грамматики. В процессе коммуникации говорящий **не производит преобразований** одних синтаксических конструкций в другие, а **выбирает** из имеющихся в его сознании синонимических конструкций ту, которую он считает наиболее удачной для данных условий. Следовательно, все психолингвистические этапы продуцирования высказывания, включая и мотивационный, неизбежно представлены в определенной языковой форме и непосредственно ориентированы на ситуацию коммуникации. Изучение процессов второго функционирования языка в какой-то степени – задача когнитивной лингвистики. Главное здесь – рассмотрение способов создания новых знаков, которые затем могут быть «пущены в обращение».

По поводу «изобретения» новых слов Л.В. Успенский отмечает, что известны лишь несколько случаев действительного их изобретения. Так, слово *газ* было образовано в XVII в. физиком Ван-Гельмонтом. Слово *лиллит* было придумано английским писателем Д. Свифтом. Фирма, производившая фотоаппараты, была названа *Кодак*. По поводу того, на основании каких признаков были выбраны именно данные слова, никаких объяснений не существует. Как правило, такие случаи очень редки, и особенность их заключается, как уже отмечалось, в том, что создаются не просто новые слова, а новые корни, которые входят в основной словарный фонд языка и на базе которых образуются новые (производные) слова. Иногда отмечают также, что брат писателя К. Чапека «подсказал» ему слово для обозначения механического человека – *робот*. Однако для носителей славянских языков этимология этого слова оказывается вполне прозрачной (Успенский, 1974: 254 и сл.).

Что же является поводом к созданию совершенно нового, неизвестного ранее и не произведенного от какого-либо другого слова? Это может быть какой-то «толчок», попытка каким-то образом выразить возникшее в сознании говорящего впечатление, не

вызывающее у говорящего никаких ассоциаций, с уже существующими предметами и/или их наименованиями. Пример такого создания нового слова приводится в известной работе американского лингвиста У.Д. Уитни. Когда на побережье Массачусетса первая из когда-либо построенных шхун соскользнула со стапелей и грациозно поплыла, один из случайных зрителей восторженно воскликнул: «О, как она *шхунит!*» (Oh, how she *schoons!*). Строитель и владелец немедленно среагировал: «Ну, пусть она и называется *шхуной!*» (A *schooner* let her be then!). И это стало новым словом в английском языке (Whitney, 1868: 45).

Таким образом, следует различать два вида функционирования языка: первый – в процессе «обычной», или первой коммуникации, направленной от говорящего к слушающему, второй – в процессе познания, при котором речь направлена от говорящего к говорящему, т.е. на себя самого.

Литература:

- Halliday. M.A.K. 1976. System and function in language. in *Selected papers*. Ed. G.R. Krees. Oxford university press.
- Whitney. W. D. 1868. *Language and the study of language*. New York.
- Атаян. Э. Р. 1964. *Понятие элементарной синтаксической структуры*. Ереван.
- Бейлин. Дж. 1997. Краткая история генеративной грамматики. в *Фундаментальные направления современной американской лингвистики*: Сб. обзоров. Москва. С. 137-141.
- Гийом. Гюстав. 1992. *Принципы теоретической лингвистики*. Москва. 224 с.
- Горелов. Илья Н., Седов. Константин Ф. 1997. *Основы психолингвистики*. Москва. 224 с.
- Гумбольдт. Вильгельм фон. 1984. *Избранные труды по языкознанию*. Москва. 440 с.
- Звегинцев. Владимир А. 1973. *Язык и лингвистическая теория*. Москва. 336 с.
- Кацнельсон. Соломон Д. 1972. *Типология языка и речевое мышление*. Ленинград.
- Кибрик. А. Е. 1990. Генеративная лингвистика. в *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва. С. 99.
- Левицкий. Юрий. А. 2009. *Альтернативные грамматики*. Москва.
- Леонтьев. Алексей А. 1990. Порождение речи. в *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва.
- Леонтьев. Алексей А. 1997. *Основы психолингвистики*. Москва. 287 с.
- Пала. К. 1996. О некоторых проблемах актуального членения. в *Prague studies in mathematical linguistics*. Praha.

Раишвили. Г. В. 1984. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания. в *Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию*. Москва.

Сахарный. Леонид В. 1989. *Введение в психолингвистику*. Ленинград. 184 с.

Успенский. Лев В. 1974. *Слово о словах. Имя дома твоего*. Ленинград. 720 с.

Швырев. В. С. 1984. *Научное познание как деятельность*. Москва: Политиздат. 229 с.